

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ АВТОРИТЕТ И АВТОНОМИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

Гаспаров Игорь Гарибович – кандидат философских наук, доцент. Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко. Российская Федерация, 394036, г. Воронеж, Студенческая ул., д. 10; e-mail: gasparov@mail.ru

В настоящей статье рассматривается концепция эпистемического авторитета, предложенная Линдой Загзебски в ее книге «Эпистемический авторитет. Теория доверия, авторитета и автономии в убеждении» [Zagzebski, 2012]. Загзебски полагает, что идея следования эпистемическому авторитету может быть согласована с идеей автономии эпистемического субъекта без отказа от положений современного либерализма. Автор статьи показывает, что несмотря на то, что эпистемический авторитет и эпистемическая автономия действительно тесно связаны и даже предполагают друг друга, характер этой связи отличается от того, который утверждается Загзебски. Дальнейший анализ теоретических положений концепции Загзебски показывает, что одним из серьезных недостатков ее позиции является то, что ей не удается показать наличие существенной связи между следованием авторитету и истиной как целью, ради которой автономный эпистемический субъект формирует свое убеждение.

Ключевые слова: эпистемология, эпистемический авторитет, эпистемическая автономия, либерализм, традиционализм, Линда Загзебски

EPISTEMIC AUTHORITY AND AUTONOMY OF THE EPISTEMIC SUBJECT

Igor Gasparov – PhD in Philosophy, assistant professor. Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko. 10 Studencheskaya St., Voronezh, 394036, Russian Federation; e-mail: gasparov@mail.ru

The author considers the account of epistemic authority as it was proposed by Linda Zagzebski in her book “Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief” [Zagzebski, 2012]. Zagzebski claims that the idea of epistemic authority could be reconciled with the modern idea of epistemic subject’s autonomy without rejecting the principles of contemporary liberalism. The author aims to show that even if Zagzebski is right in claiming that epistemic authority and epistemic autonomy are closely connected to each other the nature of their connection is different from that which Zagzebski believes to be. In the further analysis the author shows that weakness of her account is that it cannot explain where the substantial link between a subject’s following after an epistemic authority and this subject’s intention of getting truth can be.

Keywords: epistemology, epistemic authority, epistemic autonomy, liberalism, traditionalism, Linda Zagzebski

В современной эпистемологии, в том числе в эпистемологии религии, значительное место отводится проблеме эпистемического авторитета и автономии. Как эти два понятия соотносятся между? Возможно ли одновременно быть эпистемически автономным субъектом и следовать мнению авторитета в своей познавательной деятельности? Американская исследовательница Линда Тринкхаус Загзевски является одним из пионеров в изучении вопросов, связанных с эпистемическим авторитетом и эпистемической автономией [Zagzebski, 2012]. Специфика ее позиции в том, что она пытается примирить автономию эпистемического субъекта и оправданность того, что иногда этот же субъект принимает некоторые убеждения на основании чужого авторитета, исходя из посылок, которые, по ее мнению, могли бы разделять люди, стоящие на принципах современного либерализма. Хотя современность, как она полагает, склонна к практически полному отрицанию эпистемического авторитета, существует по крайней мере одна точка соприкосновения между современными «либералами» и традиционалистами. Первые утверждают автономию за счет авторитета, а последние жертвуют автономией в пользу авторитета, но при этом и те и другие разделяют мнение, что авторитет и автономия несовместимы друг с другом. Загзевски оспаривает этот либерально-традиционалистский консенсус, утверждая, что авторитетное мнение иногда может помогать эпистемически автономному субъекту достигать его собственных целей, и в этом смысле эпистемический авторитет и автономия способны гармонизировать друг с другом. Цель настоящей статьи критический анализ этого положения концепции Загзевски. Эта цель достигается в два этапа. Сначала рассматриваются шесть случаев различного соотношения между эпистемической автономией субъекта и его обязанностью следовать мнению авторитета. В результате анализа предлагаемых случаев делается вывод о том, что несмотря на то, что эпистемический авторитет и автономия тесно связаны между собой, характер этой связи отличается от того, который ей приписывает Загзевски. Затем предлагается детальная критика теоретических положений концепции эпистемического авторитета, предложенной Загзевски.

Как эпистемическая автономия соотносится с эпистемическим авторитетом?

Представьте себе, что ученик средних классов приходит в школу и учитель биологии в категоричной форме ему говорит, что все живые организмы – продукт естественной эволюции и человек произошел от животных предков путем естественного отбора. Должен ли ученик

ему верить? Да, обычно большинство школьников верят тому, что говорит им учитель или тому, что написано в учебниках, при условии, конечно, если они вообще это слушают, читают и понимают более или менее адекватным образом, но вопрос заключается не только в том, как мы поступаем обычно, но и в том, есть ли у нас соответствующая эпистемическая обязанность? И если, да, то является ли она безусловной или же зависит от различного рода обстоятельств?

Рассмотрим несколько вариантов тех обстоятельств, от которых могло бы зависеть наличие у вас соответствующей эпистемической обязанности. В первом случае до начала урока ученик не имел никаких убеждений относительно происхождения живых существ и человека. Во втором случае он полагал, что они произошли приблизительно так, как об этом рассказывается в детской Библии или мультсериале «Суперкнига». В третьем случае он уже читал о естественном происхождении жизни в детской энциклопедии, но при этом он не воспринимал эту информацию столь категорично, как это прозвучало из уст учителя биологии. В четвертом случае ученик вырос в семье, где один из родителей является экспертом по дискуссии между эволюционистами и креационистами, и часто был свидетелем того, как он говорил, что вопрос достаточно сложен и ни одна сторона не может предоставить окончательных доказательств. В пятом случае он неким образом, – возможно, даже, не без сверхъестественного вмешательства – приобрел глубокую веру в божественное творение. В шестом случае его глубокая вера сопровождается искренним увлечением научной биологией. Как в каждом из этих случаев ему следует отнестись к утверждению учителя?

Рассмотрим первый случай, когда ученик не имеет никакого сформированного заранее мнения относительно того, что утверждает учитель. Возможно даже, что он никогда всерьез не задумывался над вопросом о происхождении жизни. В этой ситуации он скорее всего едва ли сможет сразу и полностью схватить аргументацию учителя и, вероятно, то, что достигло его понимания, – это только само голое содержание утверждения учителя, что все формы жизни на земле являются результатом естественной эволюции. Должен ли он в это поверить просто потому, что так утверждает его учитель? Или, может быть, нужно прежде задать такой вопрос: имеет ли он право поверить ему, пусть он даже и является его учителем? Или сначала необходимо понять его аргументы, оценить их весомость и только потом поверить в то, что он утверждает? Иными словами, может быть, хорошее понимание и критическая оценка аргументов необходимым образом должна предшествовать или сопутствовать доверию к авторитету? Однако в этом случае возникает встречный вопрос: Как без доверия к учителю человек вообще может чему-либо научиться, ведь изначально большинство людей учатся понимать сложные предметы и кри-

тически оценивать аргументы у других людей? И ясно, что едва ли оправданно требовать от ученика средней школы, чтобы он все схватывал с первого раза, да еще и обладал компетенцией для критической оценки высказываний своего учителя. Но в таком случае можно ли от него требовать веры, или достаточно, чтобы он просто запомнил то, что сказал учитель, и был способен в следующий раз повторить это высказывание? Иными словами, утверждения учителя не предполагают веры ученика, если он не способен в достаточной мере понять и оценить их. Кажется, что мы пришли к определенному кругу в рассуждении: цель ученика научиться тому, что знает учитель, который в адекватной ситуации репрезентирует то, что релевантная группа считает истинным. Если обучение рассматривать как приобщение к тому, что считается истинным, то представляется, что обучение предполагает формирование у ученика определенных убеждений, а не только простое запоминание и повторение. Но если условием формирования убеждения в процессе обучения является то, что вы не имеете эпистемического права верить во что-то без достаточной степени понимания предмета и критической оценки доводов в его пользу, то эти последние также требуют обучения, т. е. процесса, предполагающего формирования убеждений. И вопрос, который возникает в этой связи, звучит так: если человек формирует убеждение о чем-то, о чем прежде не имел особого понятия, то не должен ли он поверить относительно этого тому, кого он считает авторитетом? В нашем случае ученик должен поверить учителю постольку, поскольку он считает его авторитетом.

Может ли что-либо воспрепятствовать ему в этом в данной ситуации? Кажется, да. Например, незаинтересованность в самом предмете, о котором ему сообщает учитель. Также препятствием могут стать и какие-то эпистемические или не-эпистемические свойства учителя. Например, учитель может показаться ему несведущим или неприятным в каком-то отношении человеком. В этом случае представляется, что помехи такого рода не отменили бы у ученика обязанности принять на веру утверждение учителя, если такая обязанность у него вообще существовала.

Во втором случае весьма вероятно, что ученик испытал бы определенный диссонанс между тем, что он думал раньше о происхождении жизни, и тем, что теперь он слышит от учителя. Возможно, он почувствовал бы некоторое недоумение или удивление, или даже разочарование. Но, возможно, что эти два комплекса представлений остались бы независимыми в структуре его убеждений. Одно дело, что говорят в школе, а другое дело, что говорят вне ее. Ведь в одном контексте можно верить в одно, а в другом – в другое, без попыток примирить убеждения между собой. Для каждого контекста может существовать свой авторитет. Соответственно и убеждения также могут

ограничиваться своим контекстом. Трудность с таким разграничением полномочий в том, что многим оно покажется не-рациональным. Действительно, мы часто стремимся к тому, чтобы примирить свои убеждения, и испытываем определенный дискомфорт, если они не согласованы. В случае с учеником, который прежде полагал, что жизнь на земле создана Богом, а теперь не находит никакого упоминания о Нем в рассказе о естественном происхождении жизни, достаточно велика вероятность возникновения осознаваемого или неосознаваемого дискомфорта из неопределенности того, как прежние представления соотносятся с новыми, и это может стать препятствием как к сохранению веры в те представления, которые уже присутствовали у ученика, так и к приобретению новых убеждений, которые транслируются учителем. Из субъективной перспективы ученика между ними необязательно должен быть конфликт, но, скорее всего, есть неопределенность относительно того, как они соотносятся между собой. И именно эта неопределенность может внести вклад в уменьшение степени веры в оба эти комплекса представлений при условии, что в ученике будет сколько-нибудь значимое стремление согласовать свои убеждения между собой. Линда Загзебски полагает, что такое стремление для нас естественно и рациональность есть то, что позволяет нам лучше справляться с этой задачей [Zagzebski, 2010, p. 29–30]. Однако я хотел бы указать на то, что субъективный «дискомфорт» или недоумение, которое могло бы возникнуть у ученика в представленной ситуации, в качестве своих причин среди прочего имеет и неразрешенность вопроса о том, какой источник информации обладает большим авторитетом – детская библия/мультсериал «Суперкнига» или школьный учитель. Иначе говоря, одним из аспектов несогласованности убеждений является неопределенность отношения между авторитетами. Под несогласованностью, как я уже указывал раньше, здесь понимается не столько конфликт между убеждениями, сколько, напротив, неопределенность по поводу того, означает ли для субъекта вера в одно утверждение отказ от веры в другое или можно оправданно верить в оба. Таким образом, во втором случае мы также встречаемся с ситуацией, в которой кажется, что вопрос об эпистемической обязанности и праве на веру тесно связан с вопросом об авторитете источника информации.

В третьем случае у ученика может быть больше склонности к тому, чтобы поверить словам учителя, поскольку транслируемая им информация совпадает с той, которой он обладал ранее, несмотря на то, что она теперь выражается в более категоричной форме. Однако здесь мы также сталкиваемся с проблемой: должен ли он верить в то, поверить во что ему легче? Нельзя ли обвинить его в легковерии? Возможно, этот вопрос покажется кому-то неуместным по отношению к ученику средней школы, поскольку многие, без сомнения, полагают,

что ученик, конечно, *должен* верить учителю. Но скорее всего, они так считают независимо от того, насколько хорошо утверждения учителя вписываются в то, в чем ученик был убежден до того, как он услышал утверждения учителя. Причина этого в том, что учитель по отношению к ученику является авторитетом, в том числе и эпистемическим. Однако это их убеждение не учитывает специфических обстоятельств, в которых осуществляется коммуникация между ними, и не зависит от них. Поэтому на его основании мы ничего не можем сказать, как склонность верить в утверждаемое влияет на обязанность верить в него. То есть мы опять возвращаемся к вопросу, что является источником авторитета учителя по отношению к ученику, если неясно, как склонность верить в слова учителя влияет на обязанность ученика верить в них.

В четвертом случае категоричность тона, которым было сделано высказывание, способна вызвать сопротивление и неприятие слов учителя, поскольку эта категоричность не совпадает с тем, как позиции эволюционистов и креационистов трактовались в родительском доме. Знакомая информация, воспринимаемая раньше как неоднозначная, была подана как однозначная, и такое изменение регистра подачи может вызвать вполне понятный диссонанс, который усугубится благодаря тому, что оба источника информации – учитель и один из родителей – являются авторитетами по отношению к ученику. Кому из них надо верить больше? Или как можно устранить конфликтующий аспект их утверждений? Может ли это решить сам ученик? Или этот вопрос должен быть решен каким-то иным образом? Как определить, кому из авторитетов и в чем именно надлежит следовать? А возможно, что ученик и вовсе должен воздержаться от всякого убеждения в этом случае.

В пятом случае вероятность диссонанса между имеющимися убеждениями ученика и утверждениями учителя весьма высока, поскольку из субъективной перспективы ребенка слова учителя непосредственно затрагивают его веру и у него сравнительно немного ресурсов для того, чтобы примирить свою веру в божественное творение с утверждениями учителя об эволюционном происхождении. Поэтому, скорее всего, эти содержательные комплексы окажутся в конфликте между собой, который усугубится еще и авторитетной ролью учителя. Возникший конфликт, вероятно, закончится отказом от одного из содержаний, но интересующий нас вопрос заключается в том, есть ли у ученика обязанность верить на основании авторитетного утверждения учителя, когда это утверждение субъективно противоречит имеющейся у него вере? При этом интересно отметить, что из субъективной перспективы ученика конфликт убеждений может восприниматься как конфликт между двумя авторитетами – Богом как источником его веры и учителем как социальным источником знаний,

так и между его эпистемической автономией, т. е. правом верить независимо от (внешнего) авторитета и требованием верить учителю на основании авторитета. Но и в том, и другом случае остается вопрос об обязанности формировать убеждения на основании авторитета.

Наконец, в последнем случае мотивация ученика примирить веру в божественное творение с тем, что о происхождении жизни говорит учитель биологии, будет гораздо выше, чем в предыдущем примере. Без сомнения, ученик с интересом и волнением будет прислушиваться к словам учителя, именно потому, что не будет слышать в них желаемого подтверждения своим взглядам. Но при этом и приблизительно по той же причине он едва ли примет их на веру. Переживаемая неудовлетворенность утверждениями учителя, возможно, будет стимулировать его к самостоятельному поиску более удовлетворительного решения того дискомфорта, который создается несогласованностью двух комплексов представлений об интересующем его предмете. Таким образом, в этом случае ученик будет мотивирован к формированию эпистемической автономии по отношению к учителю и, возможно, по отношению к собственным представлениям, возникшим у него к этому моменту под влиянием религиозной веры. Однако эта тенденция одновременно означала бы, что он сам будет стремиться к тому, чтобы оказаться в позиции эпистемического авторитета в определенной области.

Рассмотренные выше случаи, конечно же, не исчерпывают всего многообразия отношений, которые возникают между предполагаемыми субъектами эпистемического авторитета и эпистемической автономии. Однако рассмотренные случаи, как мне кажется, показывают, что эпистемическая автономия и эпистемический авторитет тесно связаны между собой. Трудно понять, как познающий субъект может обладать достаточной эпистемической автономией, если при этом он не является/не обладает¹ релевантным эпистемическим авторитетом. В этом смысле они должны помочь нам понять, что отношения между эпистемической автономией и авторитетом, с одной стороны, далеки от гармонии, а с другой стороны, эпистемическая автономия и авторитет предполагают друг друга, но совершенно не в том смысле, в каком это

¹ Николай Нотельман предлагает проводить различие между эпистемической автономией агента и эпистемической автономией роли. В первом случае эпистемическая автономия принадлежит эпистемическому агенту (субъекту) как таковому, независимо от эпистемической функции (роли), которую он выполняет. Во втором случае эпистемическая автономия принадлежит субъекту в той мере, в которой он выполняет определенную эпистемическую функцию, например, является экспертом в определенной области [Nottelmann N. Blameworthy Beliefs. A Study in Epistemic Deontology. Springer. 2007, p. 227–228]. Аналогично можно говорить, что эпистемический субъект обладает эпистемическим авторитетом в определенной области в силу определенной функции, которую он выполняет в сообществе, так и о том, что эпистемический авторитет является эпистемическим авторитетом без относительно такой определенной роли.

полагает Загзебски. Она считает, что с точки зрения современности основной конфликт между авторитетом и автономией состоит в том, что они несовместимы между собой. Автономия исключает следование авторитету. Суть ее проекта состоит в том, чтобы показать, что иногда отличный от меня самого эпистемический субъект (авторитет) может помочь мне как автономному эпистемическому субъекту в достижении моих целей, т. е. формированию истинных убеждений, и добровольное обращение к такого рода эпистемической помощи является в целом ряде случаев вполне оправданным, делая тем самым оправданным следование мнению авторитета. Однако выше приведенные примеры показывают, как мне кажется, другую сторону проблемы, которая игнорируется в рассуждениях Загзебски. Она заключается в том, что часто именно те эпистемические субъекты, которым необходима эпистемическая помощь со стороны авторитета, не часто обладают достаточной автономией для того, чтобы решить к какой именно помощи какого именно авторитета им следует обратиться. Иными словами, им не достаёт автономии для того, что признать авторитет в качестве такового. В дальнейшем я попытаюсь более детально рассмотреть эту проблему уже в рамках того теоретического понятийного каркаса, который предлагается в концепции Загзебски.

Эпистемический авторитет, эпистемическая автономия и их связь с истиной

Нет сомнений в том, что такие понятия, как «эпистемический авторитет» и «эпистемическая автономия», несмотря на свою значимость, еще далеки от прояснения своего содержания. В качестве предварительных разъяснений по поводу того, как они понимаются в настоящей статье, можно предложить следующие определения:

Эпистемический авторитет: X – эпистемический авторитет для Y в отношении D , где X и Y – подходящие эпистемические субъекты, а D – непустое множество пропозициональных содержаний, если и только если

(1) Y обязан поверить в, или хотя бы принять², пропозициональное содержание p , входящее в D , если X утверждает, что p , даже в том случае если до этого Y не имел никакого мнения относительно p , или верил, что $\sim p$.

(2) Y обязан отказаться от своей веры, что p , или, по крайней мере, приложить для этого все зависящие от него усилия, если X утверждает, что $\sim p$.

² О различии между эпистемическими отношениями веры и принятия см., например: [Плантинга, 2014, с. 212].

(3) Y обязан воздерживаться от веры, что p , или, по крайней мере, приложить для этого все зависящие от него усилия, если X воздерживается от веры, что p .

Эпистемическая автономия: X обладает эпистемической автономией относительно D, если и только если

(1) X способен самостоятельно сформировать эпистемическое отношение относительно большинства пропозициональных содержаний, входящих в D.

(2) X имеет эпистемическое право на собственное эпистемическое отношение к любому пропозициональному содержанию, входящему в D.

Если принять вышеприведенные определения в качестве исходных, то кажется, что отношение между эпистемическим авторитетом и эпистемической автономией субъекта таково, что если X обладает эпистемической автономией относительно D, то для него относительно D не существует никакого эпистемического авторитета, кроме него самого. С другой стороны, отношения между эпистемическим авторитетом и автономией могут рассматриваться как дополняющие друг друга, поскольку для большинства субъектов, – а возможно, и для любого из них, – всегда найдется такая область пропозициональных содержаний D', относительно которой эпистемический субъект не будет обладать эпистемической автономией. И, следовательно, будет нуждаться в эпистемическом авторитете. Если эта мысль верна, то эпистемическая автономия большинства, а возможно, и всех познающих субъектов, будет ограничена и они будут нуждаться в эпистемических авторитетах. Наиболее очевидно это в случаях обучения или знакомства с ранее неизвестными пропозициональными содержаниями. Конечно, не всегда подходящий эпистемический авторитет доступен, когда в нем имеется нужда. Однако во многих случаях такой авторитет существует. Подобные случаи, вероятно, имеет в виду Линда Загзевски, говоря, что эпистемический авторитет – это лицо³, которому добросовестный познающий субъект, стремясь достичь истины в некоей области, позволяет замещать себя, поскольку имеет основания полагать, что оно лучше преуспеет в достижении этой цели нежели, чем он сам [Zagzebski, 2012, p. 105, 110–111]. Иными словами, если некий эпистемический субъект X добросовестно полагает, что отличный от него самого эпистемический субъект Y или подходящий механизм Y' лучше способен достичь истины в определенной сфере познания D, которая также является целью познавательной деятельности X, то Y, или Y', является для X эпистемическим авторитетом относительно D.

³ Согласно Загзевски, обычно в качестве эпистемического авторитета выступают лица, но эту же функцию могут выполнять и неодушевленные объекты, например, термометр или компьютерная программа [Zagzebski, 2012, p. 115, 119].

Далее, опираясь на аналогию с либеральной концепцией политического авторитета, разработанную Джозефом Рацем, Загзебски формулирует четыре принципа, которые описывают природу эпистемического авторитета. Первый принцип утверждает, что если эпистемический субъект верит на основании авторитета, то его вера не должна зависеть от пропозиционального содержания веры [Zagzebski, 2012, p. 106]. **Иными словами, если авторитет утверждал бы противоположное тому, что он утверждает фактически, то эпистемический субъект, верящий на основании авторитета, должен бы сделать это противоположное содержание предметом своей веры.** Например, если бы астрономы утверждали, что Плутон является планетой, то те, кто верит им на основании авторитета, были бы обязаны принять содержание их утверждения в качестве предмета своей веры, несмотря на то, что фактически они утверждают обратное.

Второй принцип утверждает, что эпистемический субъект, верящий на основании авторитета, верит в некое пропозициональное содержание *прежде всего и именно потому*, что оно утверждается авторитетом, а не в силу наличия у него каких-либо иных доводов [Zagzebski 2012, p. 107]. Например, если эпистемический субъект на основании авторитета верит, что Плутон является планетой, то он делает это не потому, что у него есть какие-то независимые доводы для того, чтобы полагать именно таким образом, а он делает так именно и преимущественно потому, что так утверждает авторитет, которому он следует. Иными словами, между его убеждением и тем, что авторитет утверждает именно это, есть существенная связь, которая выполняет роль преимущественного довода для принятия в качестве предмета веры содержания авторитетного утверждения.

Третий принцип утверждает, что если эпистемический субъект на основе авторитета верит в некое пропозициональное содержание, утверждаемое кем-то, кого он признает в качестве эпистемического авторитета, то субъект должен добросовестно верить, что авторитет сформировал свое убеждение способом достойным подражания со стороны субъекта [Zagzebski, 2012, p. 109]. **Применительно к примеру с убеждением, что Плутон не является планетой, это означает, что у того, кто верит в это на основании авторитета, должно присутствовать добросовестное убеждение, что если бы он сам пытался ответить на вопрос: является ли Плутон планетой, то он тоже приобрел бы квалификацию и воспользовался методами, аналогичными тем, которую имели и которыми пользовались астрономы, давая ответ на этот вопрос.**

Наконец, четвертый принцип утверждает, что если эпистемический субъект (оправданно) верит на основании авторитета, то у него должно быть добросовестное убеждение, что, веря в то, во что верит авторитет, он скорее достиг бы собственные познавательные цели, чем если бы

пытался достичь их самостоятельно [Zagzebski, 2012, p. 110–111]. Например, поверив бы астрономам, что Плутон не является планетой, он бы скорее достиг истины относительно этого вопроса, нежели чем если бы старался ответить на этот вопрос самостоятельно.

Предлагаемая Загзебски концепция нацелена на независимое от традиционных обоснование эпистемического авторитета. В своей книге «Эпистемический авторитет: Теория доверия, авторитета и автономии веры» она пишет:

До наступления эпохи Нового времени в западном мире считалось, что законность авторитета является производной от Бога как высшего авторитета. Без сомнения, многие люди и сегодня разделяют эту точку зрения, и у меня нет возражений против нее, равно как я не возражаю и против позиции, видящей основание авторитета в естественном законе и естественной для людей необходимости жить в обществе. Эти подходы предлагают нам другие модели оправдания эпистемического авторитета, но в современных либеральных обществах они весьма спорны, и поэтому не могут служить моим целям в этой книге. Я хотела бы рассмотреть одну весьма влиятельную концепцию авторитета, сознательно предложенную в рамках инструментария политического либерализма, которая оправдывает авторитет, исходя из предположений, которые бы принимались любым разумным лицом [Zagzebski, 2012, p. 105–106].

Загзебски полагает, что такое «либеральное» оправдание вполне возможно в отношении эпистемического авторитета. Проект весьма амбициозный, поскольку в случае его успешности он дал бы в качестве результата убедительный ответ на вопрос: почему и при каких условиях каждый разумный человек обязан следовать авторитету в своей познавательной деятельности. И это оправдание не нуждалось бы в обращении к таким спорным моделям обоснования авторитета, как божественная воля или естественный закон. Однако в связи с такой амбициозностью проекта Загзебски возникают определенные сомнения в его полной осуществимости.

Некоторые авторы подвергли критике, прежде всего, то понимание рациональности, которое было положено Загзебски в основу ее концепции [Baril, 2013]. Однако мне хотелось обратить внимание на другие проблемные аспекты ее оправдания эпистемического авторитета. На мой взгляд, предлагаемое Загзебски оправдание эпистемического авторитета одновременно оправдывает и слишком много, и слишком мало. В дальнейшем я для краткости буду называть эпистемический субъект, отвечающий характеристикам, которые Загзебски указывает в качестве характеристик эпистемического авторитета, «авторитетом Z».

Первая проблема, на которую я хотел бы указать, это непроясненность отношений между эпистемическим субъектом, верящим на основании авторитета, авторитетом Z и истиной. Согласно тому, что

утверждает Загребски, общее между эпистемическим субъектом и авторитетом Z стремление достичь истину и лучшая, с точки зрения субъекта, чем у него самого, способность авторитета Z к достижению этой цели являются одним из доводов, или, может быть, мотивов, почему эпистемический субъект обязан следовать авторитету Z , формируя собственные убеждения. Однако, даже если предположить, что оценка субъектом эпистемических преимуществ авторитета Z действительно адекватна, какие основания это дает для того, чтобы полагать, что авторитет Z достиг цели, к которой они оба стремятся, т. е. достиг истины или хотя бы приблизился к ней в большей степени, чем он сам. Вероятно, Загребски ответила на этот вопрос так: поскольку я доверяю своим познавательным способностям в том, что касается достижения истины или приближения к ней, постольку имею право, или, возможно, даже обязанность, доверять познавательным способностям превосходящего меня в определенной области эпистемического субъекта в том, что касается его возможностей достижения истины или приближения к ней в данной области.

Насколько можно удовлетвориться таким ответом? На мой взгляд, он не способен убедить нас до конца. Во-первых, даже если я доверяю своим познавательным способностям, то между их адекватным функционированием и истиной может и не быть существенной связи, если, конечно, таковая не предусмотрена Богом или природой. Но насколько я понимаю, апелляция к такого рода гарантам есть именно то, чего Загребски хочет избежать в своем оправдании эпистемического авторитета. С ее точки зрения, авторитет Z не нуждается для своего принятия ни в Боге, ни в естественном законе. Поэтому доверие к своим познавательным способностям остается вполне понятной, и в этом смысле вполне естественной, склонностью эпистемического субъекта, но присутствует ли между этой склонностью и тем, что использование этих способностей ведет к истине, какая-либо существенная связь? Без дополнительных условий это не только неочевидно, но и маловероятно.

Во-вторых, даже если бы доверие к собственным познавательным способностям было абсолютно эпистемически оправданно, то остается не ясно, насколько я могу переносить свое доверие к таким познавательным способностям, как восприятие или разум в обычном понимании, на высокоспециализированные навыки, какими должен обладать, например, современный ученый-астрофизик. Могу ли я хоть как-то *добросовестно* соотнести и оценить свои и его познавательные характеристики для того, чтобы заключить, что, стремясь к истине в области знания о физической природе Вселенной, я скорее достигну своей цели, если доверюсь его мнению, нежели чем буду пытаться ответить на соответствующие вопросы самостоятельно. Или все, что я могу здесь заключить, – это астрофизику видней, он ведь

астрофизик. Но будет ли такое заключение добросовестным? Как мне кажется, едва ли. Но в этом случае мы должны будем признать ответ Загзебски, оправдывающий доверие к авторитету ссылкой на доверие к собственным способностям, недостаточным.

Проблема концепции Загзебски, на которую я пытался указать выше, является разновидностью проблемы, с которым мы сталкиваемся всякий раз, когда пытаемся оправдать свою веру на основании авторитета. Ведь если целью, ради которой мы формируем убеждение, является истина, то у авторитета должен быть некий, более привилегированный, чем у других, доступ к ней. Природа этой связи в большинстве случаев остается не проясненной. Даже в случае учителя и ученика неясно, почему учитель должен быть ближе к истине, чем ученик. А если он не ближе к цели убеждения, то почему ученик должен следовать его утверждениям, формируя собственное убеждение? Аналогично и концепция, предлагаемая Загзебски, не показывает, в чем заключается привилегированность доступа авторитета Z к истине в отличие от тех, кто верит на основании его авторитета.

Вторая трудность концепции Загзебски, на которую мне хотелось обратить внимание, заключается в том, что авторитет Z представляется чрезмерно беспрекословным и жестким для тех, кто ему следует. Согласно ее концепции эпистемического авторитета верно, что если бы авторитет Z утверждал q вместо p , то эпистемический субъект, следующий авторитету Z , тоже имел бы обязанность верить в q вместо p . Иногда такой принцип вполне правдоподобен, особенно в тех случаях, когда речь идет о конвенциональных правилах или определениях. Например, если бы легитимная власть постановила, что вместо того, чтобы останавливаться на красный сигнал светофора и продолжать движение на зеленый, следует продолжать движение на красный свет светофора и останавливаться на зеленый, то было бы оправданно последовать постановлению авторитета. Аналогично если сообщество астрономов принимает решение изменить статус Плутона с планеты на карликовую планету, то для не-астрономов вполне оправданно вслед за ними изменить свое убеждение соответствующим образом, особенно если определения планеты и карликовой планеты понимаются как номинальные. Однако не так просто перенести подобную обязанность следовать авторитету Z на случаи моральных или религиозных утверждений. Например, если моральный авторитет изменяет свое убеждение в отношении серьезного вопроса, такого как аборт или применение смертной казни, то достаточно этого, чтобы те, для кого он является авторитетом, изменили свои убеждения вслед за ним? Или, например, если религиозный авторитет существенно изменяет какое-либо вероучительное положение, то насколько оправданным будет ему следовать? Кажется очевидным, что при отсутствии убедительного и понятного для эпистемического

субъекта объяснения связи между такими изменениями в убеждениях авторитета и источником их истины следование за авторитетом было бы неоправданным. Традиционные модели обоснования авторитета представляются в этом отношении более оправданными, при условии, конечно, принятия их онтологических оснований. Например, с точки зрения верующих, принадлежащих к так называемым религиям Откровения, существенная связь между истиной и религиозным авторитетом обеспечивается специальными качествами божественной личности, такими как всеведение, всемогущество и всеблагость. Очевидно, что такое сочетание качеств божественной личности дает, с точки зрения верующего, абсолютную гарантию надежности источника его убеждения, передаваемого посредством авторитетного свидетельства. Более того, с точки зрения иудео-христианской традиции, сама божественная личность позаботилась о том, чтобы у верующих было надежное «подтверждение» того, что их человеческий авторитет подходящим образом связан с источником того учения, которое он утверждает. В качестве примера того, как работает такое подтверждение, можно привести рассказ из книги Исхода о даровании Закона иудеям. В нем в явной форме говорится, что Бог проявляет заботу о том, чтобы иудеи поверили Моисею как надежному свидетелю Его слов: «И сказал Господь Моисею: вот, Я приду к тебе в густом облаке, дабы слышал народ, как Я буду говорить с тобою, и поверил тебе навсегда» (Исх. 19:9).

С другой стороны, традиционная модель (религиозного) авторитета не столь ригористична по отношению к обязанности безусловно принимать его утверждения. Это так именно потому, что свои права этот авторитет получает из источника, который совпадает с источником истины. И в силу этого вместе с правом учить он получает и обязанность учить в соответствии с тем, что утверждает источником его авторитета. Таким образом, его право учить ограничивается открытой или открывшейся ему истиной. Отступление от нее означает для него лишение авторитета. Хороший пример того, как работает такой механизм, можно найти в римско-католическом учении о «низложении *ipso facto*» римского первосвященника в случае утверждения им еретического учения: «ибо сам судящий всех никем не судим, если только не уличен в уклонении от веры» (*Decretum Gratiani*, p. I, dist. 40, cap. 6.). Другими словами, отклоняясь от содержания авторитетной веры, авторитет, функцией которого является ее провозглашение, самым этим фактом утрачивает свою авторитетность. Таким образом, в традиционной модели авторитета отрицается принцип независимости содержания, утверждаемый Загзебски вслед за такими теоретиками либерализма, как Г.Л.А. Харт и Дж. Рац. Как представляется, этот принцип является одним из самых слабых мест во всей концепции эпистемического авторитета. В традиционной модели авторитет

существенным образом зависит от содержания, так как содержание предполагается в качестве истины, которая и делает авторитет авторитетом. В концепции Загзебски эта связь между истиной и содержанием авторитетного мнения оказывается разорванной, или, по крайней мере, неопределенной. А потому вопрос, что является источником авторитета Z , не имеет в ней удовлетворительного ответа.

Список литературы

Плантига, 2014 – *Плантинга А.* Аналитический теист: антология Алвина Плантиги / Сост. Дж. Ф. Сеннет. М.: Яз. славян. культуры, 2014. 568 с.

Baril, 2013 – *Baril A.* Linda Trinkaus Zagzebski, Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief, Oxford University Press, 2012, 279 p. // *Notre Dame Philosophical Reviews*. URL: <http://ndpr.nd.edu/news/41479-epistemic-authority-a-theory-of-trust-authority-and-autonomy-in-belief/> (дата обращения: 10.03.2017).

Nottelmann, 2007 – *Nottelmann N.* Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontology. Dordrecht: Springer, 2007. xii+ 282 p.

Zagzebski, 2012 – *Zagzebski L.T.* Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief. Oxford: Oxford University Press, 2012. 279 p.

References

Baril, A. “Linda Trinkaus Zagzebski, Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief, Oxford University Press, 2012, 279 pp.”, in: *Notre Dame Philosophical Reviews*. [<http://ndpr.nd.edu/news/41479-epistemic-authority-a-theory-of-trust-authority-and-autonomy-in-belief/>, accessed on 10.03.2017].

Nottelmann, N. *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontology*. Dordrecht: Springer, 2007. xii+ 282 pp.

Senneth, J. (ed.). *Analiticheskiy teist: antologiya Alvina Platigi* [The Analytic Theist. An Alvin Plantinga Reader]. Moscow: Yaziki slavianskoi kul'turi, 2014/ 568 pp. (In Russian)

Zagzebski, L. T. *Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 279 pp.